

Олег ОЛЕНЕВ

МАНДЕЛЬШТАМ И БУЛГАКОВ
О ГОРОДЕ КИЕВЕ
Опыт сопоставления

Если подходить к заглавию хронологически, должно быть: «Булгаков и Мандельштам», — однако исследователем первого автора могу почесть себя еще с меньшей степенью вероятности, нежели второго. Дело в том, что фельетон Михаила Афанасьевича «Киев-город» был написан для газеты «Накануне» весной 1923-го, в то время как очерк Осипа Эмильевича «Киев» опубликован в ленинградской «Красной газете» в конце мая и начале июня 1926-го. Именно сходство в «порождающем тексте» дает возможность провести различия: Киев эпохи «междоусарствия» (от Ленина — к Сталину) и Киев нэповский — обильная пища для кропотливых суждений буквоеда.

ОБЩЕЕ. Помимо пространственно-временных регистров данных произведений, объединяющего материала тьма. Первое, что бросится в глаза любому читателю, — категории «дом», «работа», «событийность», «Маркс». В таком сопоставлении открывается высокий градус (реалистического) «бытописательства» обоих авторов: однако, при тождественности предметов и кое-где даже оценок, следует непременно учитывать (стилистические) особенности представления деталей.

«Тихая заводь» по Булгакову, по Мандельштаму *киевский дом* это — «ковчег, шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый». Расходясь в формулировках, оба автора, пожалуй, сошлись бы на том, что «нигде, как в Киеве, не осязаемо величие управдома, нигде так не романтична борьба за площадь»: если — состоянием на 1923 г. — «хозрасчет <...> лезет изо всех щелей, управляющий домом угрожает ремонтом парового отопления и носится с каким-то листом, в котором написано “смета в золотом исчислении”», то в 1926 г. «в воротах этих гигантов <...> вывешены грозные предупреждения неплательщикам за воду, какие-то грошковые разметки и раскладки».

«Работа». Потеряв работу либо вследствие закрытия «Ары» (состоянием на 1923 г.), либо по двум указанным Мандельштамом причинам — «увольне-

ние» и «украинизация», — получить ее если и не было задачей уж невыполнимой, то, по крайней мере, нелегкой («Потерять работу можно по увольнению (режим экономии) и украинизации (незнание государственного языка), но получить ее невозможно» [2]).

«Событийность». В Киеве всякое происшествие могло стать событием легендарного масштаба: «так, например, я десятки раз слышал о беспризорном, который укусил даму с ридикюлем и заразил ее страшной болезнью». И наоборот: очередная «легенда», по милости старушек с Евбаза, возвращалась бывальщиной («Киевляне же, надо отдать им справедливость, газет не читают, находясь в твердой уверенности, что там заключается “обман”»; «Но зато киевляне вознаграждают себя слухами... Старушкам действительно невмолгу, и живут они в странном состоянии: им кажется, что все происходящее — сон. Во сне они видят сон другой — желанную, чаемую действительность. В их головах рождаются картины» [1]).

«Маркс». Оба писателя, не сговариваясь, посчитали черный бюст Карла Маркса, поставленный «перед Думой в обрамлении белой арки», явлением для художественной жизни города недопустимым («Слов для описания <...> бюста Карла Маркса <...> у меня нет» [1]; «Может, это замечательный управдом или гениальный бухгалтер? Нет, это Маркс» [2]). Автором кубистического памятника был Иосиф Чайков (1888–1979), представитель Культур-Лиги. Покрытый платиновой бронзой, установленный на асфальтовый пьедестал, гипсовый мыслитель как бы прятал «Капитал» (или просто бумажник?) за лацканом пиджака.

В результате сопоставлений рубрик «дом», «работа», «событийность», «Маркс» можно сказать: при образной разнице некоторых формулировок, вектор рассмотрения, предмет и даже оценка киевских «бытописательских» материй, как правило, сходятся. Другое дело — область социально-психологическая, выявление — в рамках индивидуального авторского языка — обще-присущих «Киево-городу» черт и живописание особо-живущего психотипа «киевлян» приемами топонимической биолингвистики.

РАЗЛИЧНОЕ. Начать с того, что если для Мандельштама город — «самый живучий»¹, то у Булгакова Киев — «город прекрасный, город счастливый».

¹ К слову сказать, «живучесть» города склоняется на множество ладов: «уличный сапожник работает <...> жизнерадостно и ритмично»; «киевский дом <...> шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый»; «но еще можно жить, пока есть крепкое изюмное вино, любой день превращающее в Пасху»; «сколько милых выражений, произносимых <...> как формулы жизнелюбия»; «велико жизнелюбие киевлян»; «необычайно <...> жизнелюбие маленьких людей»; «у города большая и живучая душа»; «глубоким тройным дыханием дышит <...> город» [2].

«Живучесть» эту Мандельштам рассматривает в основном «пространственно» («Днепр входит в берега. Пространство врывается в город отовсюду, и широкая просека Бибиковского бульвара по-прежнему открыта — на этот раз не вражеским полчищам, а теплым майским ветрам» [2]), без глубочайших историко-биографических коннотаций, как у Булгакова. «Прекрасность» же и «счастливость» Города у Мастера наоборот — отсылающие ко «временности» («Но это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение» [1]) и объемному текстологическому мышлению — впротивовес цветасто-пленерному восприятию Осипа Эмильевича¹. Все же, как фельетон Михаила Афанасьевича немыслим без текстологической «среды обитания», так и очерк Осипа Эмильевича нельзя лишить свойственного только этому тексту времени. Расставив подобным образом акценты, перейдем к непосредственно киевским хронотопам обоих авторов.

Места. И фельетон, и очерк имеют свой набор знаковых мест. У Булгакова: «Царский сад» — 3 упоминания; «Днепр» — 5; «Выдубицкий монастырь» — 1; «крест Св. Владимира» — 1; «Крещатик» — 2; «могилы Аскольда и Дира» — 1; святошинские позиции — 1; «Цепной» мост — 1; «Печерск» — 1; «Мариинский парк» — 2; «Царская площадь» — 1; «Софийский собор» — 1. На первом месте — «Днепр»², выделяются также «Царский сад», «Крещатик», «Мариинский парк». У Мандельштама: «Крещатик» — 3; «центр Киева» — 1; «улица Марата» — 1; «отель “Континенталь”» — 1; «дом-улица “Пассаж”» — 1; «против бывшей Думы — Губкома» — 1; «коллегия Павла Галагана» — 1; «Подол» — 11; «Слободка» — 1; «Туруханов Остров» — 1; «площадь “Контрактов”» — 1; «Днепр» — 2; «Прорезная» — 1; «Бибиковский бульвар» — 1. Безоговорочный лидер — «Подол», выделяются также — «Крещатик», «Днепр».

Итак, если «булгаковский список» организован строго «по Днепру», то мандельштамовский имеет два центра — Крещатик и Подол. В «Финале» фельетона читаем: «Город прекрасный, город счастливый. Над развалившимся Днепром, весь в солнечных пятнах. Сейчас в нем великая усталость после

¹ Недопустимо понимать пространствоцентризм мандельштамовского очерка как поверхностность фланера, которому «все равно», ибо: «между 1919 и 1929 Мандельштам бывал в Киеве часто и подолгу, город хорошо знал, это было его пространство <...>». С другой стороны, несмотря даже на женитьбу в Киеве и на киевлянке, Надежде Яковлевне Хазиною, в мае 1919 г., Мандельштам, по Мирону Петровскому, видел Киев частью «всемирного» общерусского города — на что Булгаков был неспособен уже по факту своего рождения [5, с. 252–253].

² Многие места «булгаковского списка» выходят на Днепр: помимо Цепного моста, это — Выдубицкий монастырь, крест Св. Владимира, могилы Аскольда и Дира, Мариинский парк.

страшных громыхавших лет. Покой. Но трепет новой жизни я слышу. Его отстраоят, опять закипят его улицы, и станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город. А память о Петлюре да сгинет». Днепр — центр, потому что «станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город». На самом же деле, причин три: «вечное» время, «вечность»; река, «которую Гоголь любил»; и «опять царственный город».

«*Вечное*» время, «*вечность*». Великая славянская река делает город частичным вечности: «над развалившимся Днепром, весь в солнечных пятнах», — что находит подтверждение в неизменности формулы «город прекрасный, город счастливый», окаймляющей текст фельетона («Экскурс в область истории» — вступительная часть — гласит: «Словом, город прекрасный, город счастливый. Мать городов русских» [1]). Но отложим до поры детализированный разбор булгаковских нарративных времен.

Река, «которую Гоголь любил». Днепр обосновывает Гоголем киевский фельетон Мастера, приобщает его произведение литературной вечности. К слову сказать, киевский фон гоголевского «Вия» присутствует в заглавной строке мандельштамовского стихотворения 1937 г. «Как по улицам Киева-Вия», а в посвященной курбасовскому театру «Березиль» статье 1926 г. находим утверждение: «Наша советская комедия — “Мандаты” и “Воздушные пироги” — через голову Островского тянется к Гоголю» [4, с. 227–232], — то есть, Мандельштам Гоголем прикалывал некоторые вещи театра (например, «Шпану») к вершинным опытам советской комедийной драматургии.

«*Опять царственный город*». Киев эпохи киево-русской без Днепра немислим, и поэтому Булгаков апеллирует к «царственности» княжеского града для создания дополнительного — наряду с литературно-гоголевским — измерения вечности исторической.

Прояснив причины организации «по Днепру» мест булгаковского текста, перейдем к центрам мандельштамовского очерка — Крещатику и Подолу. Это две разные истории. «Презрение к Подолу чрезвычайно распространено в буржуазном городе: “Она кричит, как на Подоле”, “У нее шляпка с Подола”, “Что вы от него хотите? Он торгует на Подоле”». Другими словами, происходит скрытый конфликт верхнего, буржуазного города и Подола — нижнего, торгово-ремесленного, еврейского. Две главки очерка, будто полюса, поэтому размежеваны друг с другом в едином композиционном пространстве.

Крещатик — центр жизни писателя во время визита 1919 г.¹ Как отмечает в статье «Киевский роман Осипа Мандельштама» Мирон Петровский, причин тому было три: отель «Континенталь»; клуб «Хлам»; адрес семьи Хазиных [5].

¹ Визитов было несколько: апрель–август 1919 г., январь 1924 г., весна 1926 г., 1929 г. [5].

*Отель «Континенталь»*¹. Прибыв в город в «одном поезде с группой государственных служащих», Мандельштам — по недосмотру гостиничной администрации — «поселился в “Континентале”, получив прекрасную комнату над “Хламом”» [5, с. 259–260].

Клуб «Хлам». «Четыре месяца, проведенные в тот приезд в Киеве, — с апреля по август 1919 года <...> все упоминания <...> связывают <...> с киевским клубом “Хлам”» [5, с. 254].

Адрес семьи Хазиных. Известно, что «крепкая киевская семья» Хазиных проживала перед Первой мировой войной на Крещатике, 15 [5, с. 246]. Факт крещатицкой прописки Надежды Яковлевны мог косвенно повлиять на «центровую» роль Крещатика в «небывало-русский город» памяти Осипа Эмильевича, — не говоря уже о данном очерке («Все города русские смешались в моей памяти <...> в один большой небывалый город <...>, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект» [3]).

Подол. Казалось бы, интертекст обрывается, дает сбой. Но вот упоминание: «Искусный и трезвый “Березиль”, накапливая свое рассудочное мастерство, шествовал по суконным вершинам революционной драматургии — по “Газам”, Толлерам и “Джимми”, — и вдруг прорвало: ревет Бессарабка, ринулись в театры евреи с Подола: ничего не хотим, хотим “Шпану”» [4, с. 227–232]. Две части очерка — скрытый конфликт верхнего, буржуазного города с нижним, Подолом, ибо: «За все великолепие верхнего города всегда расплачивался Подол. Подол горел. Подол тонул. Подол громили».

Кроме того, и это главное, неумная «живучесть» «евреев с Подола» («Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино, любой день превращающее в Пасху, густые прозрачные сливянки, чей вкус само удивление, и солоноватое вишневое варенье» [2]) противостоит «рассудочной трезвости» буржуазного верхнего города, грубо говоря, Крещатика. Как это часто бывает у Мандельштама, «жизнелюбию маленьких людей» противопоставляется не только «глубокость их беспомощности» («Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность» [2]), но и «зеленый порошок литературной отравы»: то есть, глубоко рассудочная «литературная поденщина, плановая экономика литературы (жизни?), подменяющая непосредственную бытийствен-

¹ Улица Николаевская, 5 — ныне улица Архитектора Городецкого, 1–3 (НМАУ).

² «В этих толлеровских и кайзеровских клетках и в Синклере, отделанном под Толлера, украинские актеры задыхаются, как травленные мыши. Здесь не помогут никакие табуреты и лестницы, потому что всюду рассыпан зеленый порошок литературной отравы. Украинский актер хочет жить и всем существом своим ненавидит конструктивную сетку, нумерованную западно и дуровскую дрессировку» [4].

ность, маленькое «жизнелюбие», простую «живучесть» «евреев с Подола» («Украинский актер по природе своей и по традиции никогда не потерпит обезличения. Ему претит деспотизм режиссера. В жилах его течет рассудочная, но солнечная мольеровская кровь. Ему бы самому писать пьесы, а в советчицы взять хоть курьершу, хоть зеленщицу с Бессарабки» [4]).

Соприкасаются два центра: Крещатик и Подол. Они соотносены — в рамках авторской композиции — как план индивидуально-биографический (визит 1919 г.: отель «Континенталь», клуб «ХЛАМ») и уровень общественно-анализа, план социальной психологии («рассудочная трезвость» верхнего города против «необычайного жизнелюбия маленьких людей»).

Времена. Булгаковская энциклопедия выделяет три «начала»-времени: «В «Киев-городе» органически сочетается эпическое (при описании бурных и трагических событий революции и гражданской войны), лирическое (когда идут воспоминания о «беспечальном», юном поколении) и сатирическое (при характеристике современного состояния города) начала» [5]. Назовем еще несколько и уточним уже названные.

Касательно Мандельштама, это: лирическое прошлое; эпическое прошлое; эпическое настоящее; светлое будущее в настоящем. Лирическое прошлое — своеобразный «золотой век»: «Киев коллеги Павла Галагана, губернатора Фундукля, Киев лесковских анекдотов и чаепитий в липовом саду вкраплен здесь и там в окружную советскую столицу». Эпическое прошлое — пласт революции и гражданской войны: «Немного напоминает о годах эпической борьбы. Еще торчит на Крещатике остов семиэтажной громады, зияющей сквозными пролетами, как Колизей, а напротив другая громада с банковскими вывесками»¹. Эпическое настоящее — конфликт «жизнелюбия» и «беспомощности»: «Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность». Светлое будущее в настоящем — Киев как пространство реализованной мечты: «Днепр входит в берега. Пространство врывается в город отовсюду, и широкая просека Бибиковского бульвара по-прежнему открыта — на этот раз не вражеским полчищам, а теплым майским ветрам». Временной пафос текста — «необычайно жизнелюбивое» настоящее, преодолевшее «беду» эпической борьбы прошлого.

В фельетоне «времен» больше. Встречаются такие, каких очерк не знает. Кроме лирического «детства», эпического прошлого, эпического настоящего и светлого будущего, это — «вечное» время, сатирическое настоящее, и «спокойное» настоящее. Лирическое детство — время «беспечального, юного поко-

¹ «Остов семиэтажной громады»: доходный дом И. М. Заска на Крещатике, 6 (1910–1913 гг., архитекторы И. А. Зекцер и Д. Г. Торгов).

Угол Крещатика и Институтской, фото середины XIX в.

ления»: «Но это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег». Эпическое прошлое — как и у Мандельштама, время революции и гражданской войны: «И началось и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается»; «Пока что можно сказать одно: по счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил» [1]. Эпическое настоящее — закрытие «Ары», безработица, «квартирный вопрос»: «И вот кончается все это. “Ара” в Киеве закрывается <...>, а между свояченицами стоит скрежет зубовой. И в самом деле, что будет — неизвестно»; «А какое тут золотое исчисление у киевлян! Они гораздо беднее москвичей. И, сократившись, куда сунется киевская барышня? Плацдарм маленький, и всекомпомов на всех не хватит». Светлое будущее — несомненная реализация в будущем «великой мечты» спокойного настоящего: «Но трепет новой жизни я слышу. Его отстроят, опять за-

кипят его улицы, и станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город». «Вечное» время «города прекрасного, города счастливого» — отсылающее к вечности историко-литературной: «Город прекрасный, город счастливый. Над развалившимся Днепром, весь в солнечных пятнах». Сатирическое настоящее — разоблачение Булгаковым с позиций «непостижимости уму» киевских вывесок и «старушек с Евбаза»: «Это киевские вывески. Что на них написано, уму непостижимо»; «Киевляне же, надо отдать им справедливость, газет не читают, находясь в твердой уверенности, что там заключается “обман”». Но так как человек без информации немислим на земном шаре, им приходится получать сведение с Евбаза» [1].

Наконец, «спокойное» настоящее — следствие «великой усталости после страшных громыхавших лет»: «В садах большой покой. В Царском светлая тишина. Будят ее только птичьи переклики да изредка доносящиеся из города звонки киевского коммунального трамвая»; «Киев такая тихая заводь теперь, темп жизни так не похож на московский, что киевлянам все это непонятно»; «Сейчас в нем великая усталость после страшных громыхавших лет. Покой». За счет развитого нарративного темпорализма, фельетон — по сравнению с очерком — более укоренен в местную почву. Переживая крушение беспечального времени «лирического детства», Булгаков надеется на его возвращение в светлом будущем, после выхода из усталости «спокойного» настоящего.

ОТДЕЛЬНОЕ. У Булгакова это: лирическое детство; опыт очевидца «эпической борьбы»; киевские вывески («Оговариваюсь раз и навсегда: я с уважением отношусь ко всем языкам и наречиям, но тем не менее киевские вывески необходимо переписать» [1]); разница между киевлянами и москвичами («Москвичи — зубастые, напористые, летающие, спешащие, американизированные. Киевляне — тихие, медленные, и без всякой американизации. Но американской складки людей любят» [1]); нэповский «аскетизм» («Нэп катится на периферию медленно, с большим опозданием. В Киеве теперь то, что было в Москве в конце 1921 года. Киев еще не вышел из периода аскетизма» [1]); три церкви — «старая, живая и автокефальная, или украинская».

В очерке: память про Гришеньку Рабиновича, «бильярдного мазчика из петербургского кафе “Рейтер”», и «знаменитого подрядчика Гинзбурга, баснословного домовладельца»; киевская квартира («Каждая киевская квартира — романтический мирок, раздираемый ненавистью, завистью, сложной интригой» [2]); Подол («Подол выдержан в строго плюгавом стиле» [2]); «формулы жизнелюбия» киевской толпы («А сколько милых выражений, произносимых нараспев, как формулы жизнелюбия: “Она цветет как роза”, “Он здоров как бык” — и на все лады спрягаемый глагол “поправляться”» [2]).

Сказалась не только разница неуловимого жизненного опыта, но и — се-

Крещатик, фото конца XIX в.

мейного происхождения¹, социальных сред, местообитаний писателей, как и различное время написания произведений (например, состоянием на 1926 г. АРА в Киеве и след простыл).

Опыт сопоставления. Фельетон (1923) и очерк (1926). Время и место, место и время. Вечный Днепр, княжий град, Гоголь, надежда на возвращение в беспечальное детство. Крещатик и Подол, скрытый конфликт верхнего города с нижним, «необычайное жизнелюбие маленьких людей» в эпическом противостоянии с «трезвой рассудочностью» рассыпанного «порошка литературной отравы», их выигранный «живучестью» бой за наступившее будущее.

Ясно одно: конструкции двух текстов сходны². Отталкиваясь от этого предположения, выясним, «откуда идут и куда добираются» писатели. Маршрут Мандельштама: Крещатик — отель «Континенталь» — Крещатик — «дом-улица «Пассаж» — бывш. Губком — Марксов памятник — коллегия Пав-

¹ Известно, что Михаил Афанасьевич родился в семье доцента (с 1902 г. — профессора) Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1907). Отец же Осипа Эмильевича, Эмилий Вениаминович Мандельштам (1856–1938), был мастером перчаточного дела и состоял в купцах первой гильдии в Варшаве.

² Как заметил А. А. Пучков, «и Мандельштам, и Булгаков здесь — вечерние экскурсоводы».

ла Галагана; Подол — площадь «Контрактов» — Днепр — «приднепровские сады» — ул. Прорезная — Бибиковский бульвар [2]. У Булгакова: Царский сад — Днепр — Выдубицкий монастырь — памятник Св. Владимиру — Днепр — Крещатик — «святошинские позиции» — Цепной мост; Печерск — Мариинский парк — Царский сад — бывш. Царская площадь; Европейская гостиница; Евбаз; Софийский собор; бюст Карла Маркса перед Думой; Днепр [1]. Очерк разделен на две части, и вначале стремится с «верхнего города» «к Подолу», затем — возвращается обратно. Движение фельетона охватить сложнее, потому что разбит на большее количество частей. По сравнению с «тактильным фланерством» очерка, булгаковский «визуальный охват» не только шире, но и объемней: если Мандельштам крадетя по городу, выискивая и вслушиваясь в толпе, то Мастер — горделиво реет, используя метод аэрофотосъемки при постановке «живописного кадра»: так, Выдубицкий монастырь снят фронтально, с Днепра, а вот «садово-парковый комплекс» — с помощью аэросъемки.

1. Булгаков М. Повести. Рассказы. Фельетоны. — М., 1988. — С. 77–86.
2. Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. — М., 1993. — Т. 2. — С. 434–438.
3. Мандельштам О. Собрание сочинений: В 2 т. — М., 1990. — С. 272–274.
4. Мандельштам О. Слово и культура. — М., 1987. — С. 227–232.
5. Петровский М. Городу и миру: Киевские очерки. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — К., 2008.

Анотація. Зроблено спробу компаративного аналізу фейлетону Михайла Булгакова «Киев-город» (1923) та нарису Осипа Мандельштама «Киев» (1926).

Ключові слова: Михайло Опанасович Булгаков, Осип Еміліїович Мандельштам, Київ.

Аннотация. Сделана попытка компаративного анализа фельетона Михаила Булгакова «Киев-город» (1923) и очерка Осипа Мандельштама «Киев» (1926).

Ключевые слова: Михаил Афанасьевич Булгаков, Осип Эмильевич Мандельштам, Киев.

Summary. An attempt was made comparative analysis lampoon Mikhail Bulgakov «Kyiv-City» (1923) and Osip Mandelstam's essay «Kyiv» (1926).

Keywords: Mikhail Bulgakov, Osip Mandelstam, Kyiv.